ПОСЛЕДНЯЯ ИСТИНА, ПОСЛЕДНЯЯ СТРАСТЬ

по следам громких дел

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

По следам громких дел. Детективы Т. Степановой

Татьяна Степанова

Последняя истина, последняя страсть

«Эксмо»
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Степанова Т. Ю.

Последняя истина, последняя страсть / Т. Ю. Степанова — «Эксмо», 2020 — (По следам громких дел. Детективы Т. Степановой)

ISBN 978-5-04-240861-8

Большие деньги рождают большие неприятности… На свалке обнаружен труп молодого мужчины в дорогом костюме. Алексей Кабанов, сын прокурора, намерен был построить в городе опасное предприятие – мусороперерабатывающий завод. По злой иронии судьбы, его тело оказалось на свалке как ненужный мусор. К расследованию столь резонансного преступления подключается Екатерина Петровская, криминальный обозреватель Пресс-центра ГУВД. Она должна войти в группу, возглавляемую начальником отдела полиции майором Ригелем. Алексея Кабанова многие ненавидели, ведь свалка стала причиной конфликта бизнесменов и местных жителей. И даже после его смерти противостояние разделяет родных, разводит в разные стороны влюбленных, разбивает сердца. В поисках убийцы Катя сорвет множество масок, услышит шокирующие признания, откроет страшные тайны. И все же найдет… последнюю истину.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-240861-8

© Степанова Т. Ю., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Моим читателям! 5
Глава 1 7
Глава 2 11
Глава 3 14
Глава 4 18
Глава 5 21
Глава 6 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Татьяна Степанова
Последняя истина, последняя страсть

Моим читателям!

Дорогие друзья! Ко мне поступают вопросы, я читаю многочисленные комментарии касательно возраста Кати Петровской – любимой мной и вами героини моих романов. Некоторые читатели пытаются его вычислить, их отчего-то крайне беспокоит, почему это Катя не стареет, не меняется с возрастом.

Дело в том, дорогие мои друзья, что магия и сила авторского замысла позволяют сделать в книгах то, что в реальной жизни кажется невозможным. Например – подарить любимому герою вечную молодость и способность не меняться с течением времени. Книги – это литература, и там вроде бы все как в жизни, но не совсем. В романах свой собственный счет времени, отличный от нашего с вами.

Катя всегда будет молодой, прекрасной, желанной и любимой. Она НИКОГДА не состарится. Она навсегда останется тридцатипятилетней и будет существовать в этом возрасте и в этом образе и в будущем. Это мое авторское право и желание. Так что вам, дорогие мои читатели, придется это принять как должное.

Я не пишу сериал из жизни Кати. Каждый роман – это самостоятельная история, отдельное расследование. Да, в чем-то они порой связаны – воспоминаниями и общими героями. Но это всегда рассказ о новых событиях, свидетелем и участницей которых становится Катя. В реальности моих романов, в ее собственном мире и время течет по-другому. Воспринимайте каждую встречу с Катей как свидание со старым другом, которого не видели неделю, месяц, полгода. А здесь, в нашем с вами мире, могло пройти уже и пять, и десять лет. Это ли не волшебство литературы? Это ли не исполнение самого заветного нашего желания – не стареть?

Мой новый роман посвящен памяти Вальтера Бухгольца, который присутствовал в моей жизни, а перед вами, дорогие читатели, во многих моих книгах появлялся в образах сразу двух любимых персонажей – Вадима Кравченко «Драгоценного» – мужа Кати и майора Никиты Колосова. Он остается единственным прототипом этих героев. В жизни он был этнический немец, двуязычный с детства, сначала он служил в правоохранительных органах, а потом стал бодигардом-телохранителем. Он был спутником моей жизни и, возможно, мне удалось в образах Драгоценного и Колосова передать те замечательные качества, которыми он обладал как мужчина, как полицейский, как человек.

На протяжении многих лет я слышу от вас, дорогие мои читатели, просьбы вернуть Драгоценного и Колосова. Я уклонялась от ответов на главные вопросы – отчего они исчезли из романов так внезапно? Почему их сюжетные линии оборвались? Что с ними обоими стало?

Так вот – в этом романе я даю вам полный и честный ответ на этот вопрос. В образах майора Вальтера Ригеля и писательницы Лизы Оболенской выступаем мы с Вальтером Бухгольцем. Я описываю все как есть, все, что произошло между нами.

Я надеюсь, что, прочитав эту книгу, вы поймете, почему же все линии этих героев оборвались. И уже не станете просить меня вернуть Драгоценного и Колосова, прототипом которых являлся Вальтер Бухгольц. Поверьте, я бы все на свете отдала, чтобы вернуть их вам. Но я не могу. Есть вещи, которые уже не исправишь – даже в книгах. О них можно только предельно честно рассказать, искупая собственную вину.

Посвящается памяти Вальтера Бухгольца и Диоскуров-близнецов, сыновей генерала К.

«Сатин, приподнимаясь на нарах:

– Кто это бил меня вчера?»

М. Горький «На дне»

«– А что, Алексашка, заведем когда-нибудь у себя такую жизнь?.. Парадиз… Вспомню Москву – так бы и сжег ее…

– Хлев, это верно…

– Сидят на старине, жопа сгнила. Отчего сие? Гляди, – звезды здесь ярче нашего…

– А у нас бы, мин херц, кругом бы все тут обгадили…»

А. Толстой «Петр Первый»

Глава 1
Призрак

– Они его все ненавидели. Не только этот город. Но и они все. Я не верю ни единому их слову. Потому что знаю – они все его ненавидели. Я отдаю себе отчет в том, что говорю. И у меня нет иллюзий на их счет. Пусть и у вас не будет.

Заместитель прокурора области Клара Порфирьевна Кабанова сказала это Кате, Екатерине Петровской, – криминальному обозревателю Пресс-центра ГУВД Московской области тихо. Чуть ли не интимно. И со странной гримасой на опухшем от слез лице.

Они все присутствовали на месте преступления. На месте убийства. Труп сына прокурора обнаружил утром водитель мусоровоза, поднял тревогу. Они приехали. И вот уже четвертый час находились здесь, пока шел осмотр.

Лил сильный дождь. Катя сначала пыталась спастись от него под зонтом. Но потом махнула рукой – и на зонт, и на дождевик, и на промокшие ноги в кроссовках, что вязли в липкой жиже, не похожей ни на глину, ни на чернозем.

Почва свалки. Гигантского подмосковного мусорного полигона Красавино, закрытого полгода назад. Мертвая земля. И мертвец.

Слова прокурора Кабановой относились к группе мужчин, стоявших под зонтами поодаль, рядом с экспертами-криминалистами, осматривавшими тело. Из мужчин лишь один был одет в полицейскую форму – начальник УВД города Староказарменска майор Ригель. Катя его прекрасно знала. Остальные были известны ей лишь по фамилиям. В Староказарменске она планировала познакомиться с ними лично и даже взять у кого-то из них комментарий к происходящему в городе. Но обстоятельства сложились иначе. Едва добравшись по пробкам из Москвы в Староказарменск, Катя в дежурной части узнала об убийстве – весь УВД подняли по тревоге. Она ринулась как криминальный репортер Пресс-службы на мусорный полигон, наткнулась сначала на жесткий отпор патрульных, стоявших в оцеплении: какая пресса, вы с ума сошли? Не понимаете сами, что ли?

Но ее велела пропустить зампрокурора области Кабанова. Хотя она в этот раз и не имела полномочий участвовать в процедуре осмотра, ей сразу же сообщили о случившемся. И она приехала на место убийства.

Не как прокурор. Как мать.

На ее глазах тело ее сына осматривали патологоанатом и эксперты-криминалисты. Переворачивали, фотографировали, обсуждали характер повреждений.

Какая мать это выдержит?

Но Клара Порфирьевна Кабанова не упала в обморок, не забилась в рыданиях, в истерике. Она смотрела на все происходящее очень пристально, внимательно, словно стараясь не упустить ни единой детали, ни одного жеста, взгляда, людей, ее окружавших, – в общем-то своих коллег…

А потом сказала Кате те слова. И Катя впоследствии их неоднократно вспоминала.

– Закрытая черепно-мозговая травма, – констатировал патологоанатом, над которым помощник держал большой черный зонт. Над самим трупом растянули брезент от дождя, прикрепленный к высоким вешкам, но входить под этот хлипкий навес все равно приходилось согнувшись. – Ему нанесли несколько ударов по голове тяжелым предметом. Это не камень. Больше похоже на монтировку, металлический прут. Когда он упал, ему продолжали наносить удары уже по лицу. Все лицо разбито. Клара Порфирьевна… вам лучше на это не смотреть… Хотя я понимаю… Ему сломали нос. Точнее, там уже просто нет носа. Кровавое…

Патологоанатом не договорил, глядя на зампрокурора Кабанову. Та пристально созерцала тело сына. От группы мужчин под зонтами отделился один – высокий, темноволосый, в строгом черном костюме и белой рубашке, он быстро подошел к Кабановой, попытался то ли развернуть ее спиной к трупу, то ли вообще увести подальше. Но она резко вырвалась.

– Оставьте. Не трогайте меня. Я в полном порядке.

Мужчина в черном костюме вернулся к патологоанатому и что-то у него спросил негромко. За шумом ливня Катя не расслышала.

– Я затрудняюсь сказать точно, где его убили, следы крови в почве есть, но это ни о чем не говорит, – ответил патологоанатом тихо. – Машине здесь, сами видите, проехать трудно. Хотя внедорожник пройдет. Его машину, как мне сказали, нашли на стоянке. Но ее могли туда пригнать, чтобы создать впечатление, будто он приехал сам. Принести же тело сюда убийце было бы нелегко. В потерпевшем не меньше девяносто пяти килограммов. Тяжелый груз. Хотя если убийц было несколько, то вполне могли убить в другом месте и притащить сюда. И бросить. Здесь, на свалке.

– Как падаль на свалку.

– Что? – Это резко спросила прокурор Кабанова.

Ее вопрос относился к человеку под зонтом, произнесшем слово «падаль» – бритоголовому крупному мужчине в дорогом черном плаще от Prada, стоявшему вместе с майором Ригелем и остальными.

– Простите… сорвалось с языка. Я имел в виду, хлам разный на свалках валяется. Хлам сюда свозят и бросают.

Он кивнул через плечо.

Огромный мусорный полигон, на краю которого сейчас стояли они все, словно потерявшись навеки в пелене нескончаемого сентябрьского дождя, отрезанные от мира, освещаемые сполохами полицейских синих мигалок, – полигон доминировал в пространстве и во времени.

До самого горизонта.

Бескрайний.

Мертвый мусорный полигон.

Как пустыня.

Как иная планета, хранящая следы, тени, отбросы сгинувшей цивилизации. Великий Бесконечный Холодный Вонючий Грязный Мусорный Пейзаж на Фоне Дождя.

Эта небольшая площадка, расчищенная тракторами, где под ногами не земля, не глина, а некий вязкий субстант… Жижа.

И горы мусора по краям. И на одной куче под брезентовым навесом экспертов – труп молодого, тридцатичетырехлетнего мужчины в дорогом синем костюме, испачканном кровью и грязью. Полного, кудрявого, с модной стрижкой и разбитыми в лепешку затылком и лицом.

– Это что? – спросила вдруг зампрокурора Клара Порфирьевна Кабанова хрипло.

– Где? – Катя поняла, что Кабанова говорит именно с ней.

– Вон там.

Кабанова указала куда-то вдаль.

В этот момент в пелене дождя послышался гул мотора. Где-то за мглистой дождливой завесой заработал трактор, расчищающий новый участок полигона.

Звук мотора вспугнул птиц. И они взмыли в дожде над свалкой.

Тучи белых пронзительно кричащих птиц, которые кружат над волнами морскими в бескрайней вышине…

Чайки кружили над мусорным полигоном. И не было числа этим жадным галдящим птицам, сорвавшимся с куч мусора, где они рылись в смердящей грязи, выхватывая оттуда лакомые сгнившие куски. Воспарившим, как белые ангелы, в небо – высоко, далеко…

– Это, кажется, пианино. – Катя всмотрелась в тот предмет на куче мусора, на который указывала Кабанова. – Старое пианино.

– Старое пианино, – повторила зампрокурора. – Старое… старое пианино. Мы свое тоже выбросили. Никто из моих сыновей не хотел учиться музыке. А Лесик…

Она всхлипнула. И закрыла рот тыльной стороной ладони. Резкий жест.

Лесик… Алексей Кабанов. Жертва. Катя смотрела в сторону брезентового навеса – вот как, значит, его звали дома. Как звала его мать.

– Я его тяжело рожала. Очень тяжело. Чуть не умерла. Кесарево пришлось делать. Думала, никогда не решусь на второго ребенка. Однако решилась. Екатерина… можно я обопрусь на вас? На ваше плечо?

– Конечно, Клара Порфирьевна. – Катя быстро шагнула к ней, хотела поддержать под руку.

– Я не это имела в виду. Я еще крепко стою на ногах. Значит, старое пианино…

Кабанова смотрела в пелену дождя на музыкальный инструмент, выброшенный на свалку.

– Свидетеля нашли!

Сквозь дождь без зонта к ним бежал по свалке один из оперативников.

– Свидетель Мышкин.

– *Князь Мышкин?* – это спросил у запыхавшегося опера тот темноволосый мужчина в строгом черном костюме.

– Князь? Какой еще князь? Я говорю – свидетель. Только он непригодный. Неадекватный, – опер, видимо, то ли не понял, то ли полностью не одобрял стеб на месте убийства. – Бомж. Алкаш.

– Но он что-то видел? – уточнил майор Ригель.

– Говорит – видел.

– Давайте его сюда.

Майор Ригель подошел к Кабановой. Но остальные четверо из той компании под своими зонтами так и остались на месте. Оперативники привели свидетеля. Бомж в двух натянутых на куртку дождевиках – желтом и зеленом. В шерстяной замызганной шапке, несмотря на теплый сентябрьский день, в ботах. Лицо в прожилках. Возраст определить трудно.

– Что вы видели? – спросил у него майор Ригель. – Вы ведь что-то видели?

– Я мусор сортировал.

– Ночью?

– А то когда же, днем тут гоняют нас.

– Кто?

– Охрана.

– А ночью охраны нет?

– Она только с мусоровозами приезжает. Ну, эти, нанятые. Против демонстрантов которые. А ночью мусоровозы не ездят.

– Ясно. Значит, вы рылись ночью в мусоре.

– Сортировал. Фонарик у меня.

– Сортировали. Во сколько? – Майор Ригель задавал вопросы со своей чуть медлительной немецкой настойчивостью, столь хорошо знакомой Кате.

– Мне время без разницы. Темно было. Луна… Не люблю я ее. Больная планета. В лунные ночи это бывает. Всегда только в лунные.

– Что бывает?

– Пианино заиграло.

– То старое пианино?

– Чертово пианино. Давно я хотел его разбить. В щепки. Чтобы не соблазняло.

– Чем разбить? Кувалдой? Монтировкой?

– Э, не надо… не надо, начальник. Я его не трогал, этого мужика. – Бомж поднял грязные руки ладонями вверх. – Я его вообще ночью не видел. Потом прибежал на крик, когда водила с мусоровоза паниковал тут.

– Вас никто не обвиняет. Что вы видели ночью? – Майор Ригель задал новый вопрос.

– Пианино заиграло. – Бомж смотрел на Кабанову. – Музыка такая… вроде мрачного па-де-де.

– Знаете, что такое па-де-де?

– Знаю. Я бездомный, но не дурак же. Это мать его? Прокурорша? Сама?

– Это его мать. Так что вы видели?

– Он появился оттуда. – Свидетель махнул рукой куда-то вдаль – неопределенно. – Из тьмы. Шел. Скорее плыл.

– Кто?

– Он разный. Когда Серый. Когда Черный. Смотря какое обличье принимает. Какой плащ выбирает. Но всегда – лунной ночью. По лунной дорожке – словно спускается. Здесь ведь тоже своя лунная дорожка. Не бывали ночью на этой свалке?

– Нет.

– И не нужно. Не приходите сюда ночью. – Бомж ощерил в ухмылке остатки зубов. – А то встретитесь с ним ненароком. И он вам этого не забудет.

– Кто?

– Я же говорю – он разный. Когда Серый, когда Черный. Жуткий…

– Призрак, что ли? – не выдержала Катя.

Было в манере этого бомжа что-то выматывающее нервы. Недоброе. Если не сказать зловещее. Неправильное какое-то. Абсолютно неправильное.

– Дьявол. – Бомж смотрел на зампрокурора Кабанову.

– Ладно, спасибо, можете идти. Вы нам очень помогли, – со своей врожденной немецкой бесстрастностью произнес майор Ригель.

– Дьяволу тут самое место. А вы и не знали, ваша честь? – Полоумный бомж опять обращался к Кабановой.

– Теперь буду знать. – Кабанова закрыла зонт. – А какая была музыка? Это ваше па-де-де?

– Такая. – Бомж махнул рукой.

Кабанова тронула Катю за рукав – идемте со мной, повернулась и зашагала прочь. Обернулась на ходу:

– Мы уедем – раздобудьте бензина. Сожгите пианино.

Майор Ригель, свидетель – они все смотрели ей вслед. Катя старалась не отстать от Кабановой.

Странно, ей казалось, что зампрокурора и этот юродивый прекрасно поняли друг друга. Только они. Словно этот разговор происходил на Луне.

С которой темными ночами спускается дьявол.

Бродит по мусорному полигону.

Играет на старом пианино.

Глава 2
Студент кулинарного техникума

1985 г

Этот день – среду 13 марта 1985 года – он вспоминал слишком часто. Наверное, потому, что именно тогда понял, в чем его истинное призвание в жизни. Нет, не фигурное катание, которым он грезил, посвятив этому детство и юность. А совсем другое занятие.

13 марта они сдавали первый квалификационный экзамен в кулинарном техникуме. А страна – «Союз нерушимый» – хоронила Черненко. Вся Тула, город, где он родился и вырос, чутко внимала репортажам с Красной площади, включив радио и телевизоры. Радио работало и в кулинарном техникуме, чтобы студенты и преподаватели-повара тоже были в курсе скорбных событий даже в ходе экзамена. На телевизионных экранах по Красной площади медленно двигался катафалк с гробом Генсека, которого, по слухам, отравили копченой рыбой, присланной в подарок министром Федорчуком, выходцем из КГБ. И копченой рыбы не числилось в программе квалификационного экзамена. Тема экзамена гласила: «Если к вам неожиданно пришли гости».

– Кляпов, о чем мечтаешь? Все уже давно начали. Готовят.

– Я рецепт подбираю.

Он ответил так преподавателю, стоя у разделочного стола, постукивая поварским ножом по доске. Год 1985-й. Если к вам неожиданно нагрянули гости… Чем же их угостить?

«Молочный суп из брюквы. Брюкву отварите. Всыпьте гречневую крупу. Прибавьте мелко нарезанный картофель. Посолите. Добавьте молока и кипятите до полной готовности. На три брюквы надо взять…»

Тошнит…

«Гости на пороге, а мы в тихой панике. В холодильнике, как обычно, скудный набор съестных припасов».

Тогда, в 1985-м, он прочел это в «Тульском рабочем», а потом, уже взрослым, думал – как это в то время в позднем Совке пропустили в газете такую крамольную фразу о продуктовом дефиците? Или уже тогда время менялось, открывались иные горизонты?

«Очистите две-три картофелины, натрите на терке, выложите на сковородку с подсолнечным маслом, разровняйте. Не ворошите ножом! Когда картофель зажарится с одной стороны, залейте его двумя взбитыми с солью яйцами. Затем переверните подрумяненный *деликатес* на другую сторону, смажьте толченым чесноком. Яйца по такому случаю можно одолжить у соседей. Подавайте свой картофельный шедевр на блюде, разрезанный наподобие торта. Такая порция вполне насыщает троих».

«В духовку поставьте ваши жухлые, нетоварного вида яблоки. Вырежьте середину и заполните ее своим прошлогодним засахаренным вареньем. Это будет изысканный десерт».

Катафалк с гробом Генсека полз по Красной площади. А за катафалком шествовали безутешные соратники. Народ, прильнувший к экранам телевизоров, все искал среди них старика Молотова, которого незадолго до этого Генсек полностью реабилитировал и восстановил в партии. В народе зубоскалили, что таким образом старый Черненко, лежавший пластом «*на сохранении» в ЦКБ,* выбрал себе девяностооднолетнего преемника, которого сам Сталин… не баран ведь чихнул, ешкин кот!

Рецепт предстояло тоже выбрать – а то экзамен в кулинарном техникуме завалишь. Парни, когда встречали его на улице, ржали, насмехались, пародируя Хазанова: «Я – студент

кулинарного техникума». Он не обижался. В общем-то, он никогда ни на кого не обижался. Он терпел.

До шестнадцати лет он занимался фигурным катанием. Мечтал стать олимпийским чемпионом в одиночном. Выкладывался по полной. Естественно, ни о какой кулинарии и не помышлял. В шестнадцать он проходил отбор в молодежную сборную олимпийского резерва. Отбор – в Москве, он решил умереть, но выдержать тот экзамен.

Охрипшая от ора баба-тренер в парике, в югославской дубленке, накинутой на плечи, подозвала его после того, как он откатал программу.

– Неровно катаешься, Кляпов. Сбои. Прыжок сделал не чисто.

– Можно, я попробую еще раз?

– А что это даст?

– Я могу лучше.

– Слушай, ты часом не еврей?

– Нет.

– Но ты же Фима.

– Я Тимофей.

– Фима-Тимофей? – Баба-тренер хмыкнула, закинула в рот аскорбинку. – Вот так выучишь вас, включишь в резерв, потом в сборную страну представлять, а ты мотанешь в свой Израиль. Сколько случаев было.

– Я русский. Я не еврей.

Советский Союз, зараженный антисемитизмом, как проказой. Это первое, что спрашивали у него в Большом спорте. Он привык. Тогда он даже не находил это унизительным. Считал само собой разумеющимся. Обычным. Мать назвала его Тимофеем. А вот бабка с детства звала Фимой.

На льду в это время каталась очень красивая пара в костюмах Кая и Герды из сказки. Он загляделся на девушку-фигуристку. Герда…

– Если не возьмете в одиночное, я могу выступать в парном. Вот с ней.

– У тебя руки слабые. Не удержишь.

– Я подкачаюсь. Я сильный. Я сейчас вам покажу.

Он заскользил по льду на коньках. Круто развернулся перед тренершей. Затем описал круг по катку, набирая скорость. Четвертной лутц. Он прыгал его лишь дважды. И прыгнет сейчас. Умрет, а прыгнет…

Прыгнул. Тело развернулось в воздухе и…

Со всего размаха он грохнулся на лед. Ударился головой. Разбил затылок.

Не просто сильное сотрясение мозга, а черепно-мозговая травма. Его не взяли в армию из-за нее. Афган великий и ужасный его миновал. Но с мечтами об Олимпиаде пришлось расстаться. Он бросил фигурное катание. И поступил в кулинарный техникум.

Бабка его надоумила. «Ближе к кухне, Фимочка, надо, ближе к дефициту, ближе к жратве. Слушай меня, я плохого не посоветую. Я пятьдесят лет поварихой в столовой горкома отработала. Как бы я троих вырастила, если бы не эта моя работа? Еще до войны… ты почитай, почитай, что мы жрали тогда. Говорят – все война, лишения. А до войны-то что, а? Устроили нам жизнь после революции каторжники, бандиты, совдепы, вожди наши».

Далее бабка-крамольница всегда вспоминала непечатно Усатого, тоже непечатно Калинина, Кагановича и этого самого девяностолетнего Молотова, которого в 1985-м по народным тульским анекдотам престарелый Генсек выбрал себе «в преемники». Ругаясь, бабка доставала замусоленную поваренную книгу издания 1934 года. И зачитывала рецепты оттуда.

«Приготовление гематогенного омлета для супов и запеканок. Гематоген в таблетках растолочь, превратив в порошок. Развести холодной водой, хорошо вымешать, чтобы не было комков, добавить соли по вкусу, выложить на противень, смазанный маслом, и поставить в

духовой шкаф или печь – или варить на пару 20 минут. Когда гематоген свернется и получится плотная лепешка в виде омлета, вынуть из печи, нарезать ломтями и положить в суп».

Он, Фима, Тимофей Кляпов, спрашивал бабку – а что такое гематоген? Что за дрянь? И она отвечала – добавка, содержащая железо и витамины. Позже он прочел, что гематоген в тридцатых активно использовали в кулинарии негласно, потому что необходимо было хоть чем-то восполнить дефицит питания, скудный рацион рабочих, крестьян, детей и особенно бойцов Красной армии.

Но на дворе стоял не тридцать четвертый, а восемьдесят пятый. Год развитого социализма, где от каждого по способностям – каждому по труду. И что же изменилось за эти годы?

«Если к вам неожиданно пришли гости, без мяса все равно не обойтись. Так займемся серой вареной колбасой. С помощью мясорубки превратим полкило вареной колбасы в фарш. Добавим два взбитых яйца. Тонко нарежем черствый батон и нанесем массу на ломтики. Сверху смажем майонезом. Разложим на противень и поставим в духовку на 15 минут. Когда бутерброды подрумянятся, можно подавать гостям ваше фирменное мясное блюдо».

И это в Советском Союзе – «могучем, нерушимом», развитом – 1985 года называлось мясом.

Вареной колбасы в Туле 1985 года тоже особо не водилось. В магазинах продуктовых – майонез, кислый от уксуса провансаль (сейчас пишут «вкус детства»), молоко в худых бумажных пакетах, кефир с зеленой крышкой, хлеб. В овощных грязные овощи, к которым страшно прикоснуться.

А за колбасой ездили в Москву. Знаменитые субботние «колбасные электрички» Тула – Москва. Такие же ходили из Рязани, Ярославля, Иваново и Владимира.

– Кляпов, ты все мечтаешь. Все уже готовят, а ты что?

– Я выбираю вкусный рецепт, придумываю свой, – так он тогда, 13 марта 1985-го, ответил на экзамене повару-преподавателю.

– Свой придумываешь? Ты научись сначала готовить по заданным к изучению рецептам с доступными ингредиентами. Ишь ты, выдумщик. Вот станешь поваром, в Москву уедешь в «Прагу» или «Арагви» – там и придумывай. Может, даже повезет сказочно – возьмут тебя в комбинат питания Кремлевки. Вот там и… хотя там особо придумать тебе ничего не дадут. У них четкие инструкции.

– Я придумал. – Он, Тимофей Кляпов, взял разделочную доску. – Я назову это «Посольский салат». Мой фирменный рецепт. Надо взять три отварные картофелины, две отварные моркови, яблоко, лук, любой, какой есть, сыр, майонез. Все натереть на терке, кроме лука, его ошпарить и порезать кольцами. И уложить все слоями – картошку, морковь, смазать слой майонезом, потом сыр, потом лук, смазать майонезом, затем снова сыр, яблоко, опять сыр и покрыть сверху майонезом.

Он ловко шинковал лук, шпарил его, тер овощи, сыр и укладывал на блюдо в виде торта.

Выложил. Украсил дольками яблок.

Экзаменаторы подошли. Посмотрели. Покачали головами, сняли пробу.

– Хм… вкусно. Торт овощной – закусочный. Зачет.

– Кляпов, а ты далеко пойдешь, – сказал ему после экзамена повар-преподаватель. – У тебя к нашему кулинарному делу и правда талант.

А он в этот миг, глядя на круг своего слоеного «Посольского салата-торта», вспоминал стадион, лед, фигурное катание, свои несбывшиеся мечты, четвертной лутц и… ту фигуристку. Он забыл ее лицо, а вот имя помнил всю жизнь. Герда… Пусть и был то лишь сценический образ для «проката программы».

Спустя много лет, уже перешагнув свой пятидесятилетний рубеж, имея за плечами весьма пеструю жизнь, здесь, в Староказарменске, он внезапно понял, что некоторые вещи в прошлом случаются неспроста.

Глава 3
Мать

«Ну, до нефти и водки нам не дотянуться, просто плохо знаем предмет… Так будем пробавляться тем, что пожиже, зато поближе».
«Околоноля» – Натан Дубовицкий(псевдоним Владислава Суркова)

– Поезжайте за мной. Мне надо с вами поговорить.

Зампрокурора области Клара Порфирьевна Кабанова объявила это Кате тоном, не терпящим возражений, на автостоянке у полигона, где Кабанову ждало служебное авто с водителем, а Катю ее маленькая, верная машинка – крохотун «Мерседес Смарт».

Сели и поехали. У поворота на Люберцы машина прокурора Кабановой внезапно свернула в лес – на просеку, Катя снова старалась не отстать. Сосны, ели, маленький островок леса среди сплошной застройки. Отъехав от шоссе, машина Кабановой остановилась. Клара Порфирьевна вышла и сразу закурила. Катя тоже выбралась из «Смарта» и подошла к ней.

– Они, конечно, в Староказарменске начнут расследовать убийство моего сына. И скажут мне, что делают все возможное. Но будет ли это правдой или ложью… В любом случае меня такой оборот дела не устраивает. – Клара Порфирьевна Кабанова глубоко затянулась и выдохнула дым из ноздрей. – Я хочу, чтобы вы мне помогли, Екатерина.

– Помогу, чем смогу. – А что еще Катя могла ответить матери, потерявшей сына?

– Я знакома с вашими статьями и репортажами. Вы стараетесь всегда быть объективной и не делите мир на черное и белое. Вы свободны в своих суждениях и выводах. Я – нет. У прокуроров свои жесткие рамки. И я скована. Я не могу сама принимать участие в расследовании. Я даже не имею права сейчас нанять частного детектива. Потому что я официальное лицо, причем заинтересованное. Вы – журналист. У вас есть опыт в расследованиях, пусть и не профессиональный – вы же помогали полковнику Гущину в делах об убийствах, я слышала об этом и читала ваши статьи. Поэтому я обращаюсь к вам как мать – помогите мне.

– В чем, Клара Порфирьевна?

– Найти убийцу Лесика.

– Но я… вряд ли я справлюсь.

– Я не прошу вас совершить чудо или подвиг. Я просто хочу, чтобы вы… как человек объективный, умный и, самое главное, нездешний вникли в ситуацию, которая сложилась в этом городе и привела к убийству моего сына.

– Мой шеф, начальник Пресс-службы, послал меня сюда освещать происходящее как представителя нашей ведомственной полицейской прессы.

– Одно другому не помешает, Екатерина. И вам, и мне нужна информация. Для статьи вашей нет лучшей концовки, чем поимка убийцы. А для меня это… – Кабанова умолкла и снова глубоко затянулась сигаретой. – Я хочу знать, кто это сделал. Это все, что мне надо от вас. Чтобы вы узнали, докопались. Или как-то получили информацию, когда докопаются эти, здешние. Хотя я в это не верю.

– Почему вы не верите, Клара Порфирьевна?

– Сначала скажите – вы согласны мне помочь?

– Я, как и вы, хочу найти убийцу вашего сына.

– И вы напишете статью – всю правду, без купюр об этом. Я вам разрешу. Они не разрешат, а я разрешу, и вы всегда сможете сослаться на меня как на источник информации.

– Хорошо. Хотя пока до этого далеко.

– Тогда по рукам. – Кабанова выбросила окурок и тут же вытащила новую сигарету, прикурила.

Катя смотрела на нее – мать, сын которой убит так страшно. Ее лицо, опухшее от слез, сейчас как маска. Но она не плачет. И руки ее не дрожат. И голос ровный. И одежда в полном порядке. Только она вся в черном, в глубоком трауре. Черные брюки, черная кашемировая водолазка, черный плащ, туго стянутый на талии. Темные круги под глазами. Черные, черные глаза, в них сейчас лучше не глядеть. Кабановой пятьдесят девять лет. Она красит волосы в пепельный цвет и занимается фитнесом. У нее, по слухам, личный тренер. Она перфекционистка. В прокуратуре ее за глаза называют Порфирий Петрович.

– Вы сказали, что вашего сына в городе все ненавидели, – осторожно произнесла Катя. – Это как-то связано со стройкой?

– Естественно. Как только он объявил, что его компания собирается строить в Староказарменске мусороперерабатывающий завод, все и началось.

– Весь город против строительства, все жители. Вашему сыну следовало прислушаться к общественному мнению и не идти так грубо и демонстративно напролом…

– Да мы… он слушал! Разве мы не слушали их? Не пытались договориться? Разве он не хотел все как-то сгладить, уладить? Два митинга прошли спокойно – относительно, хотя эти уже горлопанили и писали лозунги. А мы… то есть сын… он пытался объяснить, привлекал специалистов, они выступали перед горожанами – на митингах, на собраниях. Объясняли, что это не завод по сжиганию мусора, а высокотехнологичное современное производство по переработке отходов. Черт, они же сорок лет сидели на этой своей свалке Красавино! Они терпели этот полигон сорок лет! Чего ж тогда-то не выступали, не митинговали? Они начали орать и требовать, лишь когда полигон законсервировали и сын объявил о планах строительства завода. А куда мусор девать из Красавино? А куда его девать из соседней Балашихи, с Кучинского полигона, который воняет на всю область? Где самое место заводу по переработке этого их говна, которое они накопили здесь сами за сорок лет? Это же их мусор, их отходы, их свалка! Где, где строить этот завод? В соседней Балашихе? Там тоже все против. В Люберцах? И там против. В Щелково? Или возить в Серебряные Пруды? Там тоже все начнут митинговать. Возить на север под Архангельск? Там бунтуют, все против. Возить в тундру, на Новую Землю? Так этот мусор станет не золотым тогда – алмазным! И там уже тает вечная мерзлота. Там уже не построишь предприятий. Мы опоздали. Чтобы окончательно не утонуть в собственном дерьме, надо что-то предпринимать уже сейчас – надо делать, строить. Технологичное, экологичное, как он и предлагал! Мой сын! Он был новатор, энтузиаст, он был пионер своего дела!

Начав свой монолог тихо, Кабанова сейчас почти кричала. Но вот она смолкла, взяла себя в руки.

– Противники строительства боятся, что сюда будут свозить мусор со всей области и из Москвы, – возразила тихо Катя. – Что этот завод повлияет на экологию, на здоровье людей, потому что будут выбросы, канцероген. Они боятся, что никто не захочет покупать недвижимость в Староказарменске, рядом с мусорозаводом, что их дома и квартиры обесценятся. Что все, что они имеют, чем владеют, обратится в прах. Что будут болеть их дети. Что уроды будут рождаться.

– Со свалкой-то раньше покупали недвижимость, строили. И детей рожали.

– К свалке все привыкли за сорок лет. Видимо, считали ее частью инфраструктуры. Я говорю это все потому, что страхи, опасения людей абсолютно справедливы. И вы, как прокурор, не можете этого отрицать.

– Они убили моего сына. А вы требуете от меня, чтобы я им сочувствовала?

– Они люди, Клара Порфирьевна.

– Я тоже человек. И мой сын Лесик был человек. И он не хотел зла этому городу. Он желал…

– Сделать на строительстве и производстве большие деньги. Капитал.

– Деньги… Конечно, раз вы согласились вникать во все это в моих интересах, речь рано или поздно должна была о них зайти. – Кабанова кивнула. – Деньги… средства… Откуда у моего сына такие средства. Вот о чем орали, писали и болтали все эти последние два месяца. Вы, наверное, сами читали и слышали.

– Я хочу услышать от вас, раз я буду работать на вас в этом деле.

– Когда с моим первым мужем – отцом моих детей – произошел трагический несчастный случай, я осталась одна с малолетками на руках. Я работала в районной прокуратуре помощником прокурора, жили мы в Люберцах. Муж мой был дантистом, очень хорошим мастером, он изготавливал зубные коронки. Мой второй муж как раз был его пациентом. Он приехал в зубную клинику, узнал, что доктор Кабанов умер и… пришел на его похороны. Там мы познакомились. Он тоже был врач, очень известный уже тогда. Офтальмолог. Старше меня на двадцать лет. Вдовец. И я вдова с маленькими детьми. Он взял меня с детьми замуж. Он усыновил моих детей, воспитал их, был им настоящим отцом. Он их любил. И он очень любил меня. И я его любила. Он построил свою офтальмологическую клинику, которую знают все, у кого проблемы со зрением. Он сам делал операции. У него были золотые руки. Клиника приносила немалый доход. Он работал всю свою жизнь, зарабатывал деньги. Вкладывал их с умом, получал прибыль. Он умер от рака три года назад. И весь капитал завещал моим сыновьям. Вот откуда у нашей семьи такие большие деньги. Мой младший сын Петя не интересуется бизнесом. И он молод еще. А Лесик был прирожденный коммерсант. Клиника приносит доход до сих пор. Но он бизнесмен, его влекли новые горизонты, новые вложения. И я его только поощряла.

Кабанова снова закурила.

– Да, я гордилась, что мой сын богат и независим. А то послушаешь нынешних диванных крикунов, что пишут гадости в интернете, так у нас, у сотрудников правоохранительных органов, вообще вроде как ничего не должно быть. Чтобы мы были все сплошь нищеброды. И чтобы родственники наши тоже были босые и голодные, и дети сопливые, голупузые… Вот тогда, может быть, на нас эти комментаторы в соцсетях глянут благосклонно, и то вряд ли. Чего только про нас не писали – откуда деньги, Клара? Лесик – мажор. Бизнес-прокурорша – это про меня… И коллеги мои в прокуратуре, думаете, не знаю, что говорят за моей спиной? Осуждают. А за что? За то, что я удачно вышла замуж, будучи вдовой с детьми? Что мой муж был знаменитый врач и богатый человек? Что он не пропил свои деньги, а передал их детям, и сын захотел приумножить свое наследство? За это нас так ненавидят все? Почему у нас так ненавидят людей, которые хоть что-то делают полезное? Двигают прогресс?

– Клара Порфирьевна, этот вопрос мне ясен. Спасибо, что сказали. Но там, на месте убийства, вы ведь не только горожан и активистов-экологов имели в виду, но и…

– Коллег? И тех, кто явился сюда якобы помогать моему сыну? Они его тоже ненавидели. Я это знаю.

– Но Клара Порфирьевна…

– Митинги мирные закончились беспорядками и столкновениями с полицией. Задержаниями. Вам это известно. Потом разгромили этот их палаточный лагерь у полигона, арестовали тех, кто там был. Местные сотрудники полиции оказались в ситуации, когда… их винили, их ненавидели. А они… в свою очередь, обвинили и возненавидели моего сына – якобы за то, что он все здесь в городе замутил и разрушил их привычную жизнь. Этот начальник здешнего УВД майор… немец…

– Вальтер Ригель?

– Вам он хорошо знаком, кажется. – Кабанова смотрела на Катю в упор. – Так вот. Он назвал моего сына «жабой». И хотел его ударить по лицу. Его удержали. Это связано с тем происшествием на свадьбе, когда от майора сбежала его невеста.

Кабанова снова выпустила дым из ноздрей, как дракон.

– Он бросился на Лесика с кулаками. А сейчас он во главе следственно-оперативной группы по раскрытию убийства моего сына. И с Кляповым, пиарщиком, тоже какая-то мутная история была. Вам предстоит докопаться. И с его помощником Аристархом Бояриновым тоже что-то темное на уровне слухов. И со вторым помощником, который Эпштейн, он вообще скользкий тип. Но самый худший из них – этот из 66-го отдела. Борщов. Вы им не верьте, Катя. Что бы они вам ни говорили. Не верьте ни единому слову. Они – лгуны. Хотя вроде как они и на нашей, на моей стороне, сейчас. Делают вид, что расследуют, хотят помочь. Но они все ненавидели моего Лесика. Он мне сам говорил об этом. Он был умный мальчик. Чуткий. Он получал угрозы.

– Неужели от них? Своих коллег?

– Нет. Хотя… это же были анонимные угрозы. Угрожали экологи-активисты. Разбить ему голову и лицо могли и они тоже. И какой-то ненормальный осатаневший горожанин. Так что много подозреваемых. Но вы должны отыскать мне настоящего убийцу. Понимаете?

– А если это задание мне не по силам?

– А мне больше не на кого опереться здесь. – Вся суровость в голосе Кабановой пропала, в голосе слышались слезы, она почти умоляла. – Я совсем одна… мой сын, младший, он такой мягкотелый. Он не сможет отомстить за брата. А жена моего сына… Ульяна, она… никогда его не любила. Возможно, она даже рада сейчас, что стала богатой вдовой. Помогите мне! Пожалуйста… я вас прошу как женщина – женщину… Я прошу вас… я очень прошу!

– Я постараюсь, Клара Порфирьевна. Сделаю, что смогу. Я останусь здесь, в Староказарменске. Попрошу у шефа Пресс-центра официальную командировку. Он не откажет.

– И вы будете держать меня в курсе всего?

– Да, конечно. Напоследок я хочу спросить вас – когда вы сами видели в последний раз сына? Чем он был занят? Может быть, приезжал к вам, звонил?

– Он позвонил мне примерно в семь вечера вчера. – Кабанова умолкла, затем собралась с духом. – Сказал, что у него все хорошо, он встречается с Ульяной в ресторане – там, возле Малаховки, где он себе дом построил, есть загородный ресторан.

– Они с женой вечером отправились в ресторан? – уточнила Катя.

– Они там встретились. Дело в том, что они до этого крупно поссорились. И Ульяна уехала из дома. Это случилось примерно за неделю до… смерти Лесика. А вчера вечером они договорились встретиться – вроде как… не знаю, сын уклонился от моих вопросов. То ли они решили помириться, то ли обговорить условия развода. Лесик со мной не делился. Относился к этому болезненно. Он обожал жену, а она… она такая стерва, Катя. Вы и ей не верьте. Прекрасная хищница. Она вышла за него только ради денег. Я знаю, что они встретились в ресторане вчера вечером. И туда заявился мой сын.

– Ваш младший сын?

– Петя. Он мне сам сообщил сегодня, когда стало известно об убийстве. Только не сказал, что он там забыл в ресторане, где третий лишний.

– Как называется ресторан?

– «Сказка». В Малаховке еще с позапрошлого века была известная дача «Сказка», ее сломали. А ресторан решил сохранить историческое название. Это недалеко от синагоги. Вы найдете.

Глава 4
«Сказка»

Расставшись с Кларой Порфирьевной Кабановой, Катя решила ехать не в Староказарменский УВД, а сначала в эту самую «Сказку». В глубине души она никак не могла определиться – правильно ли сделала, приняв предложение Кабановой. Восемьдесят процентов за то, что это неверное, спонтанное, необдуманное решение. И она с этим делом еще хлебнет. Но потом перед ней возникало лицо Кабановой – измученное, искаженное гримасой страдания и боли, лицо матери… Появлялось острое чувство жалости к ней. И сомнения таяли.

Ладно. Посмотрим, что из всего этого выйдет.

Катя мало верила в то, что она сама сможет отыскать убийцу. Она начинала это дело без веры в себя, без своего обычного репортерского азарта. Она, наверное, просто не смогла ответить «нет», когда мать, потерявшая сына, умоляла ее о помощи. За последнюю соломинку хваталась… Катя так себя и ощущала в этом деле – соломинкой. И репортажа из этой истории тоже не выйдет.

«Сразу за синагогой» – это определение оказалось довольно растяжимым, туманным и неточным. Ресторан «Сказка» располагался рядом с банкетно-банным комплексом «Малаховский очаг» почти на самой трассе – на Быковском шоссе. Катя прикинула расстояние от шоссе до полигона – десять километров.

Внутри «Сказка» поражала помпезным и нелепым убранством – лепнина и позолота, бархатные шторы, банкетные залы на сотню гостей. В одном из таких залов она поймала метрдотеля и, показав удостоверение, сообщила, что хотела бы опросить официантов, работавших вчера вечером.

– Хлопова? – уточнил метрдотель. – К нему утром уже полицейские приезжали. Допрашивали. А вы…

– Я по поручению прокурора. – Катя оглядывала пустой зал.

В дальнем конце – алый балдахин. Под ним стол как на пирах. И два самых настоящих позолоченных трона. Прямо царское место.

– Это для жениха и невесты, – пояснил метрдотель. – Чтобы было парадно. А Хлопов вчера работал в каминном зале. Там приватная атмосфера. – Он указал на дверь и повел туда Катю.

Официант Хлопов хлопотал в каминном зале один, стелил чистые крахмальные скатерти на столы.

– Прямо к открытию сегодня полиция приехала, когда мы приходим на работу и кухня открывается, а для посетителей еще закрыто, – объявил он Кате недовольно. – Я все рассказал, что видел.

– Меня интересует супружеская пара, которая встретилась здесь вчера вечером и…

– Этот тип, строитель заводов, владелец отелей, газет, пароходов, его у нас по кабельному часто раньше показывали, – произнес официант. – Он из Малаховки сам, купил дачу бывшую то ли Глиэра, композитора, то ли еврейской детской коммуны – в общем, памятник истории, и оставил от него только фасад, такой особняк отгрохал за забором. Если мусорный завод свой воздвиг бы, вообще, наверное, все скупил бы на корню.

– Его убили, – сказала Катя. – Поэтому я хочу расспросить вас – что произошло вчера в ресторане? Так что вы видели?

– Он приехал вечером, в половине восьмого. Занял тот столик. – Официант кивнул на стол у камина. – Сел к огню спиной. Он и раньше этот стол всегда выбирал.

– Он приехал один?

– Один.

– И что было дальше?

– Сделал мне заказ.

– Он пил вчера?

– Чай имбирный с мятой. Он же за рулем. Заказ сделал хороший. Он и до этого всегда ел много, вкусно и сытно. Заказал стейк – сразу на триста грамм, такой кусок мяса солидный, средняя прожарка и острые закуски.

– Он кого-то ждал?

– Сидел, ел. Потом появилась она.

– Кто?

– Я так думаю, что его жена. Красивая, молодая. Брюнетка в красном.

– Вы их раньше здесь вместе видели?

– Нет.

– А почему решили, что она его жена?

– С любовницей так себя не ведут. Он сидел и ел. Глянул на нее. И опять за стейк. Ей даже сесть не предложил, не поднялся навстречу. Она сама села напротив и закурила сигарету, хотя у нас здесь не курят.

– И что потом?

– Они о чем-то начали говорить. Точнее, она ему выговаривала. А он смотрел на нее так… В общем, смотрел, жевал. Затем у них градус начал повышаться.

– Они ссорились?

– Они говорили все тише и тише. И я не слышал, о чем. Но по их лицам – да, можно было понять, что не мирная у них беседа. И гроза. И вдруг в зал этот вошел.

– Кто?

– Я так понял – брат его младший. Они очень похожи. Может, потому что оба кудрявые, как купидоны. И потом, я уже видел его раньше здесь. Он приезжал в бар. Когда на машине, а когда просто на велосипеде. Они встречались.

– Братья? Алексей Кабанов и его брат Петр?

– Младший и эта дамочка… ну, супруга покойного. Я так полагаю, что они и вчера приехали сюда вдвоем, вместе.

– Почему вы так решили? – спросила Катя.

– Вместе уехали, на одной машине, я в окно видел – уже потом, после всего. Значит, и приехали вместе. Только он ей время дал с мужем объясниться, а потом уже к их столу подошел сам.

Тон какой у этого официанта сейчас… многозначительный. Что он хочет всем этим сказать?

– Поясните свою мысль, пожалуйста.

– Ну, я бы на месте покойника за женой лучше следил. Это как в Библии сказано – не возжелай жены ближнего своего.

– Вам показалось, что брат Алексея Кабанова и его жена…

– Я им свечку не держал, но… То, что она небезразлична ему, и ежу ясно было. Достаточно на его лицо глянуть. Такой взволнованный парень. Он брату старшему что-то сказал. А тот с такой ухмылочкой на него уставился. Отложил приборы, губы промокнул салфеткой. И что-то ей, жене, начал говорить, кивнув на него. Я в дверях с подносом замешкался – только увидел, как она встала из-за стола. А этот младший, кудрявый… он на него бросился и ударил его.

– Петр Кабанов ударил брата? – Катя слушала очень внимательно. – Куда ударил?

– По лицу.

– Разбил ему лицо, нос?

– Пощечину дал. Нет, нос это братец ему разбил – уже чуть погодя.

– Значит, они подрались?

– Младший дал старшему пощечину. А тот засмеялся так зло и снова тихо что-то стал говорить жене. И его брат снова на него бросился. И тогда он его ударил – кулаком прямо в лицо. Это он ему нос разбил. Кровь ручьем… Дамочка закричала. Младший спиной об стол шмяк и на пол грохнулся. Два прибора разбил обеденных. Кровь у него из носа хлещет. Она, дамочка-то, к нему кинулась. Подняла его. И повела прочь из зала. А старший Кабанов остался. Мне сказал: «Прошу прощения за скандал. Он пьяный в стельку, разве вы не видели?» Я ничего такого за его младшим братом не заметил. Он сказал – я все оплачу, всю разбитую посуду. Я осколки начал собирать. Хорошо, в зале других посетителей не было – у нас не сезон, лето закончилось.

– И что дальше?

– Он сидел и ел свой стейк. Я в окно увидел, как эти двое на стоянке в машину сели. Она, дамочка, его чуть не силой в машину затолкала, платок ему все к носу прикладывала.

– Они уехали вдвоем. А Кабанов остался в ресторане?

– Да. Десерт заказал. Наш фирменный, «Сказочный торт». Кофе эспрессо.

– Когда он покинул ресторан? Во сколько?

– В начале десятого. Я на часы не смотрел. Чаевые мне оставил хорошие. И снова за скандал извинился. Вежливый. И не скажешь, что брата так жестоко избил.

– Но брат его ведь первый начал драку.

– Да, конечно. Видно, не стерпел, когда его мордой об стол при ней… на ее глазах… в общем, оскорбили его.

Катя поблагодарила официанта.

И пока никаких выводов из услышанного решила не делать.

Иначе… сам собой ведь напрашивался очень простой вывод. И не надо ходить куда-то далеко, чтобы найти убийцу.

Глава 5
Муж и жена

Когда Катя вернулась в город и подъехала к отделу полиции, на Староказарменск плотным строем ползли дождевые тучи, сгущая вечерние сумерки. Улицы выглядели на удивление тихими и безлюдными, хотя время приближалось только к шести часам. Город словно замер в ожидании чего-то. Или помнил некие события и не мог их простить.

События…

Их случилось немало в Староказарменске.

Стало ли их кульминацией убийство?

Или это было лишь начало?

С этим предстояло разобраться, но Катя еще никогда не была так не уверена в себе. Так одинока.

Можно просто уехать, позвонить Кабановой, отказаться.

Катя вышла из машины. На стоянке отдела полиции напротив входа молодой парень, пикетчик с самодельным плакатом. На картонке написано черным фломастером аршинными буквами:

СОРОК БОЧЕК АРЕСТАНТОВ, Я ТЕБЯ НЕ БОЮСЬ!

У входа в отдел полиции майор Вальтер Ригель, которого все друзья называли Вилли. С некоторых пор его в родном Староказарменске почти все – и за глаза, а вот теперь и в глаза, судя по плакату, – именуют Сорок Бочек Арестантов.

Обычно аккуратный и слегка даже чопорный, Вилли сейчас был без форменного кителя, в одной полицейской рубашке с засученными рукавами, с расстегнутым воротом, съехавшим набок форменным галстуком и в легком бронежилете. Смотрел на плакат, которым перед ним потрясал юный горожанин – лет семнадцати, не более.

Тридцатичетырехлетнего майора Ригеля – Вилли – Катя знала бог знает сколько времени. Родившись в Староказарменске, он большую часть своей жизни проработал в ГУВД. И в Главке был знаменитой личностью – самым лихим и безбашенным гонщиком на всех полицейских ралли. Гонял и на патрульных машинах, и на полицейских мотоциклах, и даже на катере речной полиции. Он становился маньяком скорости, едва садился за руль. «Наш Шумахер!» – говорили о нем в Главке. Бесстрашный, отважный, великодушный Вилли Ригель. Катя сама знала о нем немало историй – про ралли и его победы она часто писала восторженные репортажи. Знала, что он преданный друг, из тех, кого разбуди ночью звонком из Владивостока, так он прилетит или пешком придет, если нет билетов на самолет. Как-то он отдал все деньги, скопленные на новый мотоцикл, на похороны застрелившегося из табельного сотрудника, у которого и родни не оказалось, и Главк отказался хоронить за свой счет – не сметь поощрять самоубийц! Вилли – Вальтер Ригель – его сам похоронил. Катя написала об этом статью – шеф Пресс-службы лишь руками замахал: что ты, что ты, сор из избы… На суициды полицейских начальство, чтоб его, реагирует болезненно – гневно… Нет, не станем публиковать, хотя майор этот – молодец, золотое сердце.

И вот «золотое сердце» теперь иначе как Сорок Бочек Арестантов в городе не зовут.

Из дверей отдела полиции выскочил, как черт из табакерки, некто импозантный, суетливый, с родинкой на румяной щечке, верткий и прыткий, в элегантном синем костюме. Катя знала его лишь по имени – Михаил Эпштейн. Не полицейский, а кто – непонятно пока.

– Пикет. Надпись. – Он кивнул на юнца с плакатом. – Оскорбление при исполнении налицо, Вальтер Оттович…

– Пикет разрешенный.

– Кем?

– Слушай, уйди ты отсюда, а?

Голос у майора Ригеля хриплый. Эпштейн пожал плечами, усмехнулся. И исчез за дверью.

Майор Ригель увидел Катю, спустился по ступенькам, обошел пикетчика с плакатом – тот повернулся к нему, плакат чуть ли не в лицо сунул – читай!

У майора Ригеля – Вилли – рост и стать, видный парень, крупных габаритов, длинноногий, спортивный. Атлет. Серые глаза – самые прекрасные на свете, – возможно, для кого-то были. Он как две капли воды похож на молодого кайзера Вильгельма, только без нелепых пышных усов. Вилли Ригель всегда гладко выбрит. На его столе в кабинете есть фотография того самого молодого кайзера Вильгельма, и усы на ней замазаны алым фломастером, словно румянец на щеках. А на черном прусском императорском мундире нарисовано слева пылающее сердце, полное любви. Это работа Лизы Оболенской – Лизбет, как зовет ее майор, его обожаемой невесты. Писательницы.

Его бывшей невесты…

Такая печальная любовная история…

Катя в курсе этой драмы. Но о ней чуть позже. А пока…

– Откуда – куда? – спросил ее майор Ригель.

– Вилли, я остаюсь у вас в городе. Меня Кабанова попросила пока не уезжать. Я командировку себе выбью у шефа. Вы не против?

– Лично я не против.

«А Кабанова велела и ему не доверять. Что там за история, когда он бросился на Лесика Кабанова с кулаками? Поверить невозможно». – Катя глянула на майора Ригеля, на пикетчика с плакатом.

– А вы куда, Вилли?

– Я хочу побеседовать с его прислугой. Некая Тамара Шахова работала у него дома в Малаховке, недавно уволилась по неизвестной причине. Сейчас продавщица в булочной на Первомайской. Мы ее отыскали. А вы ведь ездили в «Сказку», Катя?

– Да. – Что толку лукавить, Вилли парень умный.

– Начало многообещающее, правда? И что, интересно, скажет нам их домработница?

– Можно, я с вами к ней?

Майор Ригель открыл дверь патрульной машины. Катя села. Юный пикетчик с плакатом подошел к самой машине со стороны водителя.

– Я Тебя Не Боюсь! Золотое сердце… Жених-неудачник… Гонщик хренов… Сорок Бочек Арестантов… Я тебя не боюсь!

Тамара Шахова – бывшая домработница Алексея Кабанова, а ныне продавщица булочной, завидев крутого полицейского в бронежилете, изменилась в лице.

– Я в протестах не участвую, – с ходу объявила она. – Вы чего это ко мне, а? Вам что надо? Да я ни на одном митинге не была!

– Мы по поводу вашего бывшего работодателя Алексея Кабанова. Хотим поговорить, – сказал майор Ригель. – Вас может кто-то подменить у прилавка? Выйдем на улицу.

– Лучше здесь, я магазин на десять минут закрою. – Бывшая домработница и правда закрыла булочную. – Не хочу я с вами – полицейским – на глазах города разговаривать. Потому что… ну, просто не желаю.

– Сколько вы у них проработали в Малаховке? – спросил Вилли Ригель бесстрастно.

– Два года. Как он женился и особняк этот перестроил. Я прежде у адвоката работала двадцать лет. И не было женщины счастливее меня. Всех его жен пересидела, и ухаживала бы за ним до смерти, потому что человек был прекрасный. Но его родня увезла в Иерусалим,

когда его парализовало. Разлучили нас. – Пятидесятилетняя домработница вздохнула так, что ее полные груди, похожие на арбузы, затрепетали. – А эти молодые… молодожены. Я к ним пришла работать сразу, как они с медового месяца вернулись. С райских островов. Думала, ничего, а оказалось – такой мрак.

– Что вы имеете в виду под словом «мрак»? – уточнила Катя.

– Жуть. – Домработница снова вздохнула. – Я их увидела впервые, Лесика этого, – так его жена звала, и ее, Ульяну. Подумала, ну, попал парень! И косточек от него не оставит эта пантера. Так и будет подкаблучником всю жизнь. Она-то нравилась ему сильно, видно это было. Кайфовал он, был на седьмом небе. Такую красотку получил в жены. А она… так с иронией к нему, холодно, снисходила, в общем. Видно было, что вышла за него только из-за денег. Сразу претензии ему начала предъявлять: сбавляй вес. Ты такой тюлень, худей… Потом потреплет его по кудряшкам – ах ты мой славненький, мое золотко… Только золотку-то палец в рот не клади, оказалось. Терпел он ее снисхождение и насмешки где-то месяца четыре. Затем начал огрызаться, а потом и сам в наступление на нее пошел.

– То есть? – спросил майор Ригель.

– Ну, например, сидят они за завтраком в воскресенье. Я подаю им. Она ему что-то там капризно начинает выговаривать – чем-то недовольна. А он ей – крем смени, дорогуша. Она ему – что? А он ей – крем смени свой, а то в постели сегодня трогал тебя, жопа шершавая стала. Вы представляете? Такое сказать при мне, чужом человеке, молодой жене! У нее глаза на лоб. Не ожидала от него. Покраснела вся. Но собралась и в ответ ему тоже что-то гадкое. А он ей еще гаже. Про целлюлит. Про грудь отвислую. Мол, когда на пластику запишешься – я тебе денег дам, дорогуша. Она стол перевернула тогда на веранде. Всю посуду вдребезги. А он на нее с ухмылочкой такой. Словно рад, что довел ее наконец. По нему ведь и не скажешь – вроде такой из себя радушный, улыбчивый, вежливый. Когда хочет – прямо очаровашка. Только все это обман. Личина. Он человек жесткий очень. Порой безжалостный. Даже с ней. А у него ведь к ней чувства, как ни крути. Я видела, от меня не скроешь. Но и ее он унижал. Удовольствие от этого получал, когда бил в самое больное ее место.

– Он ее бил? – снова уточнила Катя.

– Первый год не трогал. А на второй… Я однажды пришла после отпуска – неделю отсутствовала. Она в ванной. Вышла, махровый халат на груди у нее разошелся. А грудь вся в синяках. Она сразу запахнулась. Не хотела, чтобы я видела. Потом снова – я пришла к ним после выходных, а у нее ссадина на виске, она ее тоналкой у зеркала мажет, маскирует. В висок ее шарахнул, представляете? Так и убить ведь можно. Но все это без меня. Он умный. Если и бил ее, то без свидетелей. Я ее спрашиваю – Ульяна, как же это? Она мне – Тамара, молчите, не ваше дело. Потом до меня дошло, с чего этот весь сыр-бор с битьем начался.

– С чего? – спросил майор Ригель.

– Любовник у нее появился.

– Любовник? Кто? Когда?

– Кто – не знаю. – Домработница не смотрела на них. – А когда началось все у нас в городе с этим мусорным полигоном, со стройкой. Она, может, думала, что он занят, не до нее ему. И начала роман за его спиной крутить. А он узнал. Разъярился.

– Они хотели развестись?

– Насчет этого не знаю. Он ей как-то сказал при мне: «От меня не так просто избавиться, дорогуша». А она ведь приехала в Москву откуда-то с юга. То ли из Краснодара, то ли из Сочи. Здесь у нее в наших местах никого. Туда возвращаться не солоно хлебавши? Денег-то он бы ей никогда не дал при разводе.

– Почему вы ушли от них? – спросила Катя.

– Я не уходила. Это он меня уволил.

– По какой причине?

– Без причины. Я утром прихожу, дверь открываю, а он дома. «Тамара, вы уволены, мы в вас больше не нуждаемся. Вот деньги за начало месяца». И пинком меня буквально. Решил, наверное, что я потворствую ей в шашнях с любовником? Так я ничего такого не делала. Правда, сочувствовала ей, когда он бил ее. Может, ему это неприятно было? А по какой причине все эти расспросы ваши?

– Алексей Кабанов убит, – ответил майор Ригель. – Это часом не вы его?

– Да вы что! – воскликнула домработница. – А как убили-то? Где? Дома?

– Мы разбираемся. – Ригель изучал ее. – Если вы что-то знаете, Тамара…

– Я ничего не знаю!

– По-вашему, жена могла убить его? – спросила Катя.

– Нет. Но…

– Что?

– Если бы мне кто-то сказал сразу после свадьбы про мою «шершавую жопу», я бы прямо там за столом вазой его по башке!

– А любовник мог?

Домработница пожала плечами.

– А брат его младший Петр, он бывал у них? – осторожно спросила Катя.

– Петя? Так они же ненавидели друг друга.

– Ненавидели? За что?

– Не знаю. Лесик-то брата просто презирал, в грош не ставил. А тот молодой с нервами не справлялся.

– Так он же не бывал у них дома, как вы сказали, или бывал? – не отступала Катя. – Откуда вам все это известно?

– Он бывал, когда старшего дома нет. Заезжал, но это всего раза три было.

– Заезжал к кому? Может, к матери, когда она гостила?

– Мать в их дом в Малаховке не заглядывала, она Ульяну терпеть не могла, – ответила домработница. – А Петя приезжал к Ульяне.

– Так что насчет любовника? – снова спросил майор Ригель. – Так уж ли вы и не знаете, кто это был?

– Понятия не имею. – Бывшая домработница Кабановых подошла к двери и открыла булочную для покупателей, демонстрируя, что больше на вопросы полиции отвечать не намерена.

Глава 6
Сорок бочек арестантов

С некоторых пор, что бы он ни делал, куда бы ни ехал, чем бы ни был занят, что бы ни говорил – его глаза… его душа…

Его глаза видели лишь ее. Хотя ее не было рядом.

Его душа устремлялась к ней.

Его тело…

Там тлел пожар. Не угасал.

Его сердце… Оно болело сильно. Как в старой немецкой балладе Иоганна Гердера, которую он переиначил.[1]

Наивный – я от счастья орал,
Гостей на свадьбу к себе созывал,
И вдруг увидел в гуще теней —
Ее… принцессу средь книжек и фей…
Сердца она коснулась рукой —
От боли я вздрогнул —

Ты – алмаз мой.[2]

Он влюбился в нее в четвертом классе. Девочка Лиза с рыжими косичками, в джинсах и розовом пальто, глянула на него и сказала: «Вилли, ты ненормальный, зачем ты вырвал себе зуб?» Он и правда выдрал себе молочный зуб – только чтобы привлечь ее внимание. И бросил к ее ногам. Его первый дар ей – девочке с рыжими косичками, в розовом пальто.

Лиза Оболенская. Лизочка… Лизбет.

По-настоящему она обратила на него внимание лишь в девятом классе, когда им обоим было по шестнадцать. В десятом классе он пылко объявил матери, что женится только на Лизе Оболенской сразу, как станет совершеннолетним. Но ее родители и слышать о таком скоропалительном союзе не хотели. Ему – Вилли Ригелю – приказано было и на пушечный выстрел к их дочери не подходить. Вилли после школы отослали с глаз долой из Староказарменска. Вместо географического факультета МГУ, о котором он мечтал, отправили к омской немецкой родне – в тамошнюю полицейскую школу.

Там и родился на свет настоящий Вилли Ригель.

Среди его немецких предков, переехавших в Россию из Померании еще при Петре Великом, имелись картографы, географы, инженеры-путейцы, один участник экспедиции Пржевальского, один сибирский генерал-губернатор, один полицмейстер, один герой Балканской войны, один павший на дуэли за женщину вертопрах и один «белобандит» из армии барона Унгерна. Пестрая компания!

---

[1] Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803) – немецкий философ, культуролог, поэт и переводчик, автор антологии «Народные песни».

[2] Вольный перевод с нем. Вальтера Бухгольца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.